

— Что я должен сделать, чтобы вы помогли?

Если это было то, чего он хотел, я был готов на что угодно. Если теперь Хенекен вдруг отступит, то бог с ним со мной — а что тогда будет с Линдбергом? Я крепко зажмурился и снова открыл глаза — наследный принц смотрел на меня с каким-то странным выражением.

— Я давно хотел спросить... Почему вы заходите так далеко?

— Простите?

— Вы отказались от всего, чем пользовались в Линдберге, и сознательно перешли в Хенекен. Неужели это действительно ради будущего Линдберга? Если бы вы сказали, что вам просто стало тесно в прежней жизни, мы и без всяких магических кристаллов из гор Мочу взяли бы под защиту этих двоих.

Наследный принц сделал паузу, будто прощупывая меня, и продолжил:

— Мне кажется, вы скрываете настоящую причину.

Я понимал его подозрения. Принц, который до двадцати лет жил безалаберно и впустую, вдруг просит спасти народ — на его месте я бы только усмехнулся и проигнорировал это. Но наш праведный герой все же решил вмешаться: чтобы у тебя с моей сестрой все сложилось, чтобы и меня оставили в живых, и заодно спасли бедных жителей Линдберга.

Как и сказал наследный принц, прямо сейчас у меня на руках был разве что один аргумент — право на разработку месторождений. Остальное оставалось смутным. Я перебрал в памяти все, что выяснил за полгода расследований, пытаюсь понять, что еще могу выложить на стол переговоров. Но на самом деле в голову лез не вопрос «что предложить», а «почему я вообще все это затеял».

Я моргнул, и наследный принц молча посмотрел на меня.

— В Линдберге, когда говорят о глупом поступке, используют выражение «привязать лошадь снаружи».

Он посмотрел на меня с недоумением, и я, почти вздохнув, продолжил:

— Это потому, что голодные люди съедали даже лошадей, привязанных снаружи. После целого дня изнурительного труда жители земель получают на дорогу домой горсть пшеницы и щепоть соли.

Только тогда он понял, к чему я клоню, и выпрямился. Пусть я и не знал, как и когда изменится судьба Линдберга по сюжету этого романа, но было одно, что я хотел изменить, живя в теле Карла Линдберга.

— И медицина, и фармацевтика полностью в руках власть имущих. Из-за этого процветают нелепые народные методы, и пустяковая болезнь разрастается до необратимой. В замке Линдберга ежедневно расходуются десятки магических кристаллов, но простым людям не достается даже крошки.

Пока я говорил, кончики пальцев холодели. В памяти всплывали обрывки прошлого. Перед выпуском из средней школы умерли родители, и мы с Чжэ Ён скитались по родственникам. У отца и матери почти не было родни, и всем было тяжело, но, к счастью, дядя согласился

усыновить нас обоих, и все школьные годы Чжэ Ён провела там.

Когда Чжэ Ён училась в средней школе, я уже работал, хватаясь за любую подработку и отчаянно копя деньги. Единственное, что позволяло выдерживать презрение и предвзятость мира, — желание сохранить родительский дом и снова жить вместе с младшей сестрой. Когда я узнал, что дядя все это промотал, мы вдвоем поселились в старом таунхаусе: летом там протекала крыша и разрасталась плесень, а зимой гулял ледяной сквозняк и стены покрывались инеем.

И все же того, что мы могли жить вдвоем без чужой помощи, было достаточно. Младшая молча терпела. И когда Чжэ Ён поступила в университет, мы наконец выбрались из опостылевшего полуподвала наверх, на свет.

Честно говоря, это обычная история. Тяжелая, но таких теней в жизни полно у каждого. Веки жгло, нос щипало. Воспоминания о нищете, голоде и жизни с оглядкой захлестнули меня. Я не сдался только потому, что хотел сделать счастливой младшую сестру, которая жила ради меня одного.

— Даже если сейчас ты беден, у тебя не появляется надежды, что когда-нибудь станет лучше. Вся власть сосредоточена наверху, а те, кто наверху, давно забыли, как смотреть вниз.

Можно было жить лучше... просто нам обоим не повезло с судьбой. Но если я прожил жизнь в бедности, это не значит, что так должны жить и другие. Люди Линдберга не должны были так существовать. По крайней мере, пока я был Карлом Линдбергом.

Лицо наследного принца исказилось. На его брюках появились темные пятна — я понял, что сам плачу, и его охватила паника.

— А, э-э... это...

Если я сейчас разрыдаюсь, станет неловко. Я прижал нос, лихорадочно думая, не соврать ли про аллергию на пыльцу, и в этот момент наследный принц протянул мне платок.

— Карл Линдберг.

Он тихо окликнул меня.

— Я и не думал, что вы, словно тепличный цветок, способны так глубоко сочувствовать бедности народа. Я хотел бы спросить о многом, но на сегодня остановимся здесь.

Он выглядел так, будто был зол, но рука, вытиравшая мои слезы, была мягкой, как бисквит.

— ...Так вы просто поможете нам? — шмыгнув носом, спросил я.

Он усмехнулся.

— Нет.

Что?

Платок с приятным ароматом смялся в моей руке, и слезы тут же высохли. На левой щеке наследного принца появилась глубокая ямочка.

— Я понял ваши чувства, но помимо политической выгоды для Хенекена пообещайте и мне

вознаграждение.

Вот это да, главный герой... Не ожидал от вас такой расчетливости. Хотя, наверное, иначе наследным принцем и не станешь. Я вздохнул, собираясь вернуть платок, но, решив, что мокрый он брать не захочет, сунул его в карман.

— Чего вы хотите? Как вы знаете, у меня, по сути, ничего нет, кроме меня самого.

Я собирался в шутку добавить, что могу хоть лестничные пролеты в замке мыть, но в тот же миг глаза наследного принца странно блеснули, и я осекся. Зеленый взгляд стал еще светлее, брови взлетели, словно он был в ярости. Сердце заколотилось — не от волнения, а от страха. Передо мной был двадцатилетний юноша, но хотелось сбежать. Похоже, в Хенекене с такими шутками лучше не играть.

Он приподнял уголок губ.

— Тогда тем лучше. Я хочу вас, Карл Линдберг. Вас самого.

— Что?

— Вы знаете, какая страна Хенекен? Пусть я и наследный принц, но чтобы помочь Линдбергу и вам, мне нужно заручиться поддержкой многих вассалов.

Он говорил о том, что даже власть императорской семьи держится на уважении и доверии, а не на произволе.

— Поэтому я прошу вас дать мне веское основание. Государственный брак. И ребенок, который родится между нами.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить сказанное.

— Даже если так, разве не рано говорить о детях? Мы ведь совсем недавно познакомились.

Наследный принц посмотрел на меня еще более странно.

— А сколько времени должно пройти, чтобы об этом можно было говорить?

— Ну... я не знаю, каков брачный возраст у императорской семьи, но разве не нужно хотя бы год узнать друг друга?

— Что?

Его лицо становилось все более непонятным, а я чувствовал, что увязаю все глубже. Государственный брак... на самом деле я и сам желал этого, но не в такой форме. Брак и дети должны быть естественным продолжением любви. Выкладывать принцессу Лею на стол переговоров казалось мне отвратительным.

— Понимаете, принцесса Лея... то есть моя сестра только что покинула замок Линдберга. До этого она почти не общалась с мужчинами. Она еще молода. И, главное, вы ведь толком не знаете друг друга.

Взгляд наследного принца стал ледяным.

— Расслабьтесь хоть немного. Если с таким видом настаивать на браке, всякая романтика

сбежит.

— Я вовсе не хочу сказать, что вы не подходите моей сестре, — поспешно добавил я, — просто все слишком быстро.

Он хмыкнул. Неужели я, не зная обычаев Хенекена, только что совершил страшную бестактность?

— Карл, о чем вы вообще говорите?

Он мягко взял меня за руку. Я и раньше это замечал — его температура тела была подозрительно высокой.

Каждый раз, когда он прикасался ко мне, казалось, что кожа с моей стороны вот-вот обожжётся — настолько она разогрелась. Мне стало не по себе, и я попытался выдернуть руку, но он сжал её только сильнее.

— Как я и принцесса можем пожениться, если мы оба альфы?

...Что?

В одно мгновение кончики пальцев похолодели, под глазами нервно задрожало.

— Тот, кто выйдет за меня замуж и родит мне ребёнка, — это доминантный омега Карл Линдберг. Вы.

<http://bllate.org/book/13881/1265814>